

Анна КУРАК

■ Маленькая партизанка Таисия была «глазами» для подрывников и встречала самолеты с Большой земли.

9 Мая Таисия Павловская всегда приезжает в Брестскую крепость. Дети задают ей вопросы о войне. Дети задают ей вопросы о войне. Дети задают ей вопросы о войне.

СРАЗУ ДАЛИ НАГАН В РУКИ

- В субботу 21 июня родители пошли в театр, а вернувшись, громко спорили. Мама доказывала отцу, что видела в зале переодетых немцев. Он в ответ отмахивался и просил не выдумывать: «У нас мирный договор! Это просто евреи на идиш говорили, а ты не расслышала, - вспоминает 87-летняя брестчанка. - На рассвете в угол нашего дома угодили снаряд, стало ясно, что был прав. Началась война.

Тасе было всего одиннадцать лет. Но она на всю жизнь запомнила, как самолеты будто по расписанию снижались над Брестской крепостью и «посыпали» ее бомбами. Перестрелки не прекращались даже ночью.

- Отец ушел из города в леса в первый же день, маму и нас, четверых детей, спрятали у соседей. С самых первых дней фашисты открыли охоту на коммунистов. Только спустя месяц нам удалось бежать из города в деревню. Но беда все равно нас настигла...

Таисия Михайловна берет паузу, а потом, глубоко вдохнув, произносит:

«РАССТРЕЛЯЛИ БРАТИКА И МАМУ»

- То, что мы с Лэриком выжили, - чудо! Мама никогда не будила меня так рано. Но в то утро вдруг отправила за молоком к соседям. А брат Лэр ушел с сельскими мальчишками на выпас коров. Больше мы никогда не видели свою семью: тем утром их расстреляли. Не пожалели и малыша Олега. Ему и трех лет не было.

Трое суток девочка провела одна в лесу, несколько месяцев пряталась в домах местных, потом уже очутилась в партизанском отряде.

- Первое, чему научили партизаны, - как саму себя застрелить наганом. Зачем? Остаться, например, ночью одна у костра. А что если немец придет? Они партизан убивали не сразу, долго издевались, выбирали для казни изощренные способы. Умирать было не страшно. Странно было оказаться в руках врага.

Когда попала в Москву после партизанского отряда, приняли за беспризорницу. А сейчас - вся грудь в орденах.

Ходила юная Тася и на боевые задания. Она была «глазами» для подрывников на железных дорогах:

- Ползешь ночью и видишь только, как огоньки от их папирос в темноте светятся. Я прокладывала путь подрывникам. Вперед ползли без единого шороха, а после закладки взрывчатки подпрыгивали и неслись изо всех сил. За спиной - жуткие звуки взрыва металла, огонь, крики. Потом начали летать наши самолеты. А мы для них зажигали сигнальные костры. На одном из бортов меня и вывезли в Москву.

Добирались на Большую землю с приключениями. Когда проходили над центральной частью Беларуси, штурман объявил: «Пролетаем над партизанами Минского соединения. Они приветствуют нас ракетами!»

ПОКАЖИТЕ-КА ДОКУМЕНТЫ!

- Я поверила, хотя и удивилась: ракеты у них, что ли,

Хоть и уехала на Дальний Восток, никогда не прерывала связи с родиной. И званием «Партизан Беларуси» герой очень гордится.

лишние? Но в столице нас встретили, будто вернувшихся с того света. Были в курсе, что мы попали под обстрел врага, думали, что погибли.

А потом нас с Валькой Сикорской (дочь Героя Советского Союза Сергея Сикорского. - Ред.) милиция задержала! Мы же прямоком с болота приехали, очень хотелось город посмотреть. А тут навстречу мужчина в форме: «Кто такие? Партизаны? Покажите-ка документы?»

Уже после войны Таисия поступила в медучилище, переехала в Комсомольск-на-Амуре. Потом два высших образования, муж и дети, карьерные высоты. Она даже с самим Юрием Гагариным умудрилась лично познакомиться, когда он приезжал на Дальний Восток.

- Каждый год неизменно навещала могилу родителей. Думала ли я, что однажды вернусь в Брест насовсем? Нет. Потому что зареклась жить на границе. Но в 1970-х все-таки сдалась под напором товарищей-партизан и переехала. Жалею? Нисколько. Это мой город!

«КОРОВЬЯ ШКУРА ЗАМЕНЯЛА ОБУВЬ»

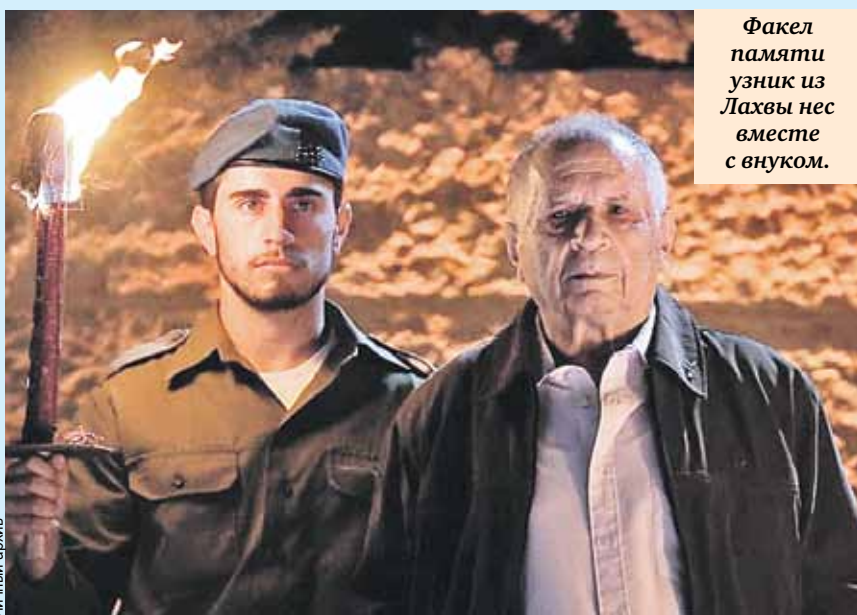
■ Иосиф Хэн выбрался из гетто чудом.

Каждый год на шестой день после еврейской Пасхи Израиль полностью замирает в память о жертвах холокоста. Останавливаются фабрики и заводы, люди выходят из машин и автобусов прямо на дороги, прекращаются занятия в школах и университетах - страна склоняет головы, вспоминая погибших и молясь о тех, кто спасал живых. В память о жертвах фашизма зажигают шесть факелов в память о шести миллионах погибших. В этом году один из них нес уроженец Беларуси Иосиф Хэн. Выжить в гетто ему удалось буквально чудом.

Весной 1942-го его семья целиком оказалась за колючей проволокой. Иосифу было всего шесть лет. Перенаселенность, голод, болезни, пытки - узники умирали один за одним. Спустя пару месяцев за ограждением начали рыть огромные котлованы. В гетто догадались: смерть подкралась совсем близко. Молодежь из Лахвы придумала план спасения - одни старались сдерживать фашистов, пока самые младшие бежали в лес.

В лагере томились две тысячи узников, скрыться в лесу смогли всего шестьсот. Половину из них схватили в первые дни после побега. Всех жестоко убили. Но Иосифу повезло.

- Бежал по лесу без остановки. Ветки хлестали по лицу, падал, подымался и снова бежал. Только

Факел памяти узник из Лахвы нес вместе с внуком.

у болота дал волю эмоциям. В суматохе и толкотне потерял маму и младшего братика. Позже их расстреляли на моих глазах, - вспоминает пенсионер.

Отца перепуганный мальчик нашел только на следующий день. Вместе перебрались через болото. А дальше уже партизанская зона. Шли осторожно, шаг за шагом, кочка за кочкой, и вдруг - выстрел. Стреляли не фашисты, а поляк-грабитель, устроивший засаду на еврейских беглецов.

Пришлось прятаться в стогах сена и лесных чащах, пить воду из дождевых ям и болот, питаться корешками, ягодами и грибами.

- Спать лег, только когда добра-

лись до партизанского отряда. Но и там было небезопасно. Скоро на отряд случилась облава, пришлось снова пуститься в бега. Коровья шкура заменяла обувь, куски грубой ткани едва защищали изможденные от холода и голода тела. Мы были похожи на тараканов, бегающих с места на место. И так вплоть до июля 1944-го, когда Беларусь освободила Красная армия, - вспоминает Иосиф.

Уже после Иосиф уехал в Израиль. Там стал старшим командиром разведывательного подразделения ВС. Вместе с детьми и внуками он до сих пор молится о молодых людях из гетто, которые подарили ему надежду на спасение.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

СЧАСТЛИВЧИК ДЖИМ

Джим Комогоров провел три года в приютах оккупированного Минска:

- Когда тебе восемь, каникулы только-только начались и впереди целое лето, ты непременно ждешь больших приключений. До свидания, шумная Москва, до свидания, мама... На всех больших станциях нас встречали с цветами и оркестром, - вспоминает сын афроамериканца-металлурга и советской работницы фабрики «Красный Октябрь».

Поезд мчал в Гродненскую область. Там в июне 41-го для детей политэмигрантов со всего Союза организовали пионерлагерь. Но вместо купаний и песен у костра... война. На рассвете 22 июня над их головами пронеслись первые немецкие бомбардировщики. Трех самых маленьких решили отправить с беженцами на восток. Так Джим снова оказался в поезде. Но в Минске паровоз уже встречали фашисты.

- Приют в Дроздах, гетто в Острошицком городке, лагерь в Семково, приют на улице Красивой в Минске. Я сам выжил чудом. Дети умирали один за одним. Проснешься утром, а на соседней кровати мальчик уже не дышит... Ждали появления Красной армии. Разнесся слух, что передовые части уже где-то недалеко от вокзала, и мы побежали через пути, на которых стояли груженные вагоны. Они были заминированы, их обвивали провода с детонаторами. От радости мы не чувствовали страха. Красноармейцы саперы размахивали руками и кричали, чтобы стояли на месте. Но куда там! Мы бросились к ним в объятия. Хорошо, что обошлось.

После войны работал конструктором. 3 июля прошлого года стало для Джима Комогорова последним днем, когда он вспоминал освобождение Минска. В декабре, после трех недель борьбы с коронавирусом, он скончался в Перми. Рядом были жена Нина, четверо детей и внуки.